

«Быть как солнце»

Константин Бальмонт

Цель урока: показать яркую индивидуальность поэта, дать представление об особенностях его ПОЭЗИИ.

**Когда слушаешь Бальмонта –
всегда слушаешь весну. Никто
не окутывает души таким
светлым туманом, как
Бальмонт. Никто не развеивает
этого тумана таким свежим
ветром, как Бальмонт. Никто до
сих пор не равен ему в его
«певучей силе»**

А.Блок

- Гумилев о Бальмонте: “Вечная тревожная загадка для нас К.Бальмонт. Вот пишет он книгу, потом вторую, потом третью, в которых нет ни одного вразумительного образа, ни одной подлинно поэтической страницы, и... только все эти... бальмонтизмы”.
- Цветаева о Бальмонте: “В Бальмонте же, кроме поэта, нет ничего... На каждом бальмонтовском жесте, слове – клеймо – печать – звезда – поэта”.
- Измайлов о Бальмонте: “Бальмонт ярче всех выдвинул крайности модернизма, ... выступил с проповедью демонизма, воспел... грех и преступность”.
- Волошин о Бальмонте: “Кто же Бальмонт в русской поэзии? Первый лирический поэт? Родоначальник? Выше он – или ниже других живущих? Его нельзя сравнивать. Он весь – исключение. Его можно любить только...”
- Гумилев о Бальмонте: “С К.Бальмонтом в поэзию “буйно ворвались дьяволы, ... жестокости... - все, что он сам картинно называл “кинжальными словами”. Правда, за ними слышно только шуршанье бумаги, а не ... топот жизни”.
- Чехов – Бальмонту: “Вы знаете: я люблю ваш талант, и каждая Ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения”.
- Цветаева о Бальмонте: “Изучив шестнадцать (пожалуй) языков, говорил и писал он на особом, семнадцатом языке, на “Бальмонтовском”.

Кто он – Константин Бальмонт?

“ Как я пишу стихи”

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья ей издалика,
Четвертая смеется, набегаая.
И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда - не сочиняю.

Так кто же он? Манерный, крикливый,
самовлюбленный, напыщенный поэт, не
лишенный поэтического дарования или
гениальная индивидуальность, яркая звезда в
блестящем созвездии русских поэтов?

Детство

Родился будущий поэт 15 (3) июня 1867 года в семье помещика, земского деятеля Дмитрия Константиновича Бальмонта, жившего в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. Мать – Вера Николаевна Лебедева. Именно она – высококультурная женщина, оказала наиболее глубокое влияние на юного Константина. Детство прошло в родовом поместье, где мать много читала ему, знакомила с творчеством известных поэтов и писателей, рано приобщая мальчика к литературе, которая станет его профессией. Детские и юношеские годы, проведенные в родной усадьбе, подробно описаны К. Бальмонтом в автобиографическом романе “Под новым серпом”, вышедшем в 1923 году в Берлине.

Но это много десятилетий спустя, а пока мальчик в 1876-1884 гг. учился в классической гимназии г. Шуи, из которой был исключен за принадлежность “к революционному кружку”. Среднее образование пришлось получать во Владимирской гимназии, которую Бальмонт окончил в 1886 г. Юноша стремится получить юридическое образование, и Бальмонт поступает на юридический факультет Московского университета, но через год исключается из него как один из организаторов студенческих беспорядков. Проведя год в Шуе под негласным надзором полиции, Бальмонт вновь поступает в Московский университет, но вскоре сам бросает занятия. Осенью 1889 года он поступает в Демидовский юридический лицей Ярославля, а несколько месяцев спустя окончательно отказывается от получения казенного образования.

Любовь к творчеству оказалась сильнее. Уже в 1890 году увидел свет его первый сборник стихов, признанный самим автором неудачным и уничтоженный впоследствии. Бальмонт считает первым сборник “Под северным небом”, выпущенный в 1894 году. Эта книга открывает необычайно плодотворный период творчества поэта: книга следует за книгой - стихи, очерки, переводы, собрание сочинений. Бальмонт много путешествовал, объездил практически всю Европу; Францию, Испанию, Голландию, Италию, Англию, усиленно изучал языки и культуру западноевропейских стран. Бальмонт читал в подлиннике Сервантеса, Шекспира, Гете, Бодлера. Руставели, переводил, по некоторым сведениям, с тридцати языков!

Слава

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.
Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая,
Я вею, млею, воздушный, сонный.
В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном –
И гром проснется в немом просторе.
Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

1897

Популярность пришла к К. Д. Бальмонту на рубеже веков, когда в **1900 году вышел новый сборник поэта “Горящие здания”**. Тема света, огня, солнца стала как бы сквозной в его поэзии, отсюда и названия книг **“Солнечная пряжа”, “Сонеты солнца, меда и луны”, “Северное сияние”**. События первой русской революции 1905-1907 гг. нашли отражение в **цикле политических стихотворений Бальмонта, где обличается “зверь самодержавия”, а прославляются “сознательные, смелые рабочие”**. Константин Дмитриевич сближается с М. Горьким и печатается в большевистской газете **“Новая жизнь”**. 31 декабря 1905 г., опасаясь ареста, К. Бальмонт нелегально покидает Россию.

С 1906 года поэт живет в Париже, путешествует по разным странам. Весной 1907 года посещает Болеарские острова, в конце 1909-1910 г. – Египет. Крайне затруднительно найти народ, поэзия которого была бы незнакома Бальмонту. Он знакомился то с “Книгой мертвых”, то с японскими короткими стихотворениями – хокку, а в 1912 г. отправился даже в кругосветное путешествие и побывал в Океании, где переводил национальный фольклор аборигенов. Он перевел с санскрита – древнеиндийского языка – “Жизнь Будды”, ведические гимны, драмы Калидасы.

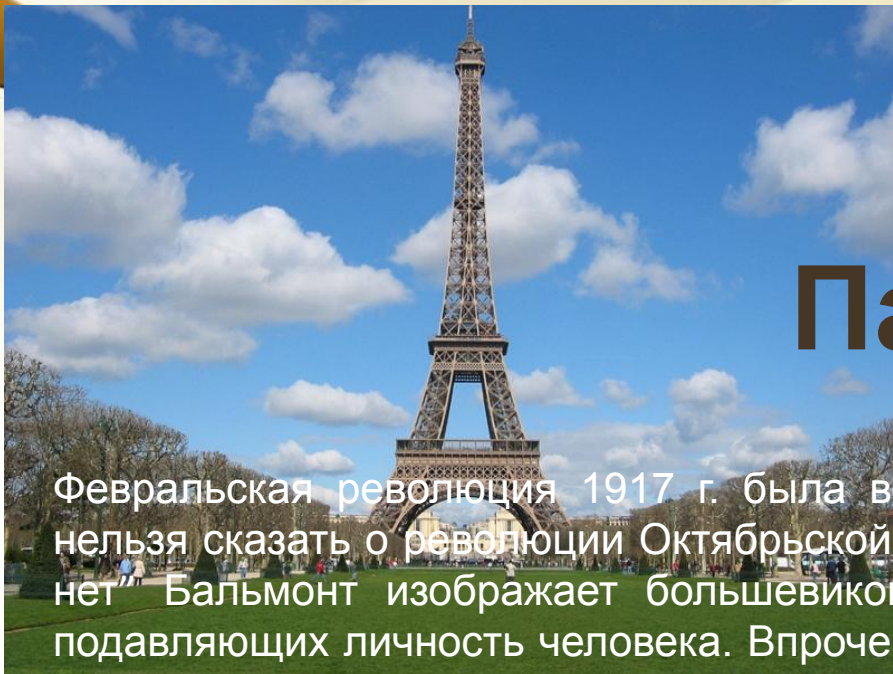
Посещение Океании оставило у Бальмонта особо глубокое впечатление. Поэту казалось, что в тех далеких местах – Новой Гвинее, Самоа, Тонго – он нашел действительно счастливых людей, еще не утративших непосредственности и природной чистоты. Фольклор Океании Бальмонт популяризировал на русском языке долгие годы. Вернувшись в 1912 г. на родину после объявления Николаем II амнистии политэмигрантам, Бальмонт много ездит по России с лекциями об Океании. Во время этих поездок особенно заинтересовала поэта Грузия. Он изучил грузинский язык до такой степени, что смог успешно переводить произведения Руставели.

Летом 1914 г. в местечке Сулак на берегу Атлантического океана Бальмонт узнает о начале первой мировой войны, которую воспринимает как “злое колдовство”. В конце 1915 г. и весной 1916 г. Бальмонт выступает с лекциями в волжских, уральских, сибирских городах. В мае 1916 г. из Сибири он отправляется в Японию, путешествие в которую оставило у поэта сильнейшие впечатления. За период 1916-1917 гг. им создано 255 сонетов, составивших новый сборник “Сонеты солнца, меда и луны”.

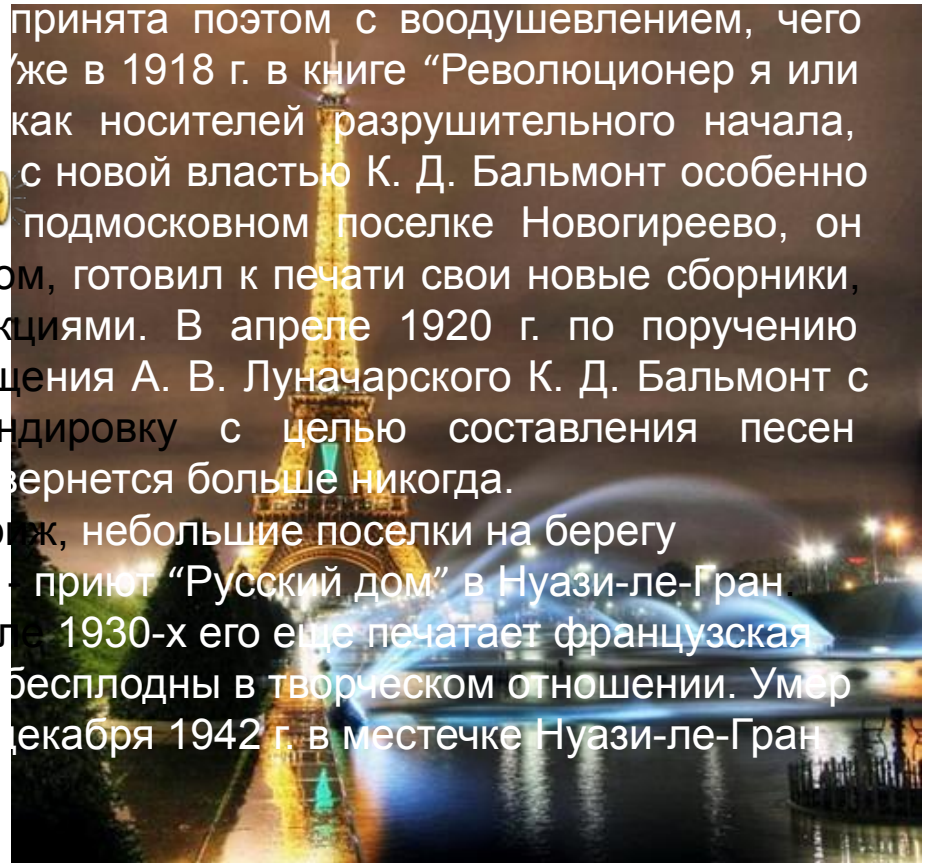

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Париж, Париж...

Февральская революция 1917 г. была воспринята поэтом с воодушевлением, чего нельзя сказать о революции Октябрьской. Уже в 1918 г. в книге "Революционер я или нет" Бальмонт изображает большевиков как носителей разрушительного начала, подавляющих личность человека. Впрочем, с новой властью К. Д. Бальмонт особенно не конфликтовал. Живя в Москве или в подмосковном поселке Новогиреево, он продолжал заниматься литературным трудом, готовил к печати свои новые сборники, по-прежнему выступал с публичными лекциями. В апреле 1920 г. по поручению наркома (так называли министров) просвещения А. В. Луначарского К. Д. Бальмонт с семьей выезжает в заграничную командировку с целью составления песен европейских народов. Но в Россию поэт не вернется больше никогда. Пристанищем К. Бальмонта становится Париж, небольшие поселки на берегу Атлантического океана, а в последние годы - приют "Русский дом" в Нуази-ле-Гран. Время славы поэта прошло, в 1920-х - начале 1930-х его еще печатает французская пресса, но последние пять лет жизни почти бесплодны в творческом отношении. Умер поэт фактически в полной неизвестности 23 декабря 1942 г. в местечке Нуази-ле-Гран близ Парижа.

Я - изысканность русской медлительной речи,

Предо мною другие поэты - предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я - внезапный излом,

Я - играющий гром,

Я - прозрачный ручей,

Я - для всех и ничей.

Переплеск многопенный,
разорванно-слитный,

Самоцветные камни земли самобытной,

Переключки лесные зеленого мая -

Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,

Сильный тем, что влюблен

И в себя, и в других,

Я - изысканный стих.

Во многих стихотворениях Бальмонта **в центре - лирическое "Я" поэта**: *"Я жить не могу настоящим..."*, *"Я тревожный призрак, я стихийный гений ..."*, *"Я вольный ветер, я вечно вею..."*, *"Я устал от нежных слов..."*, *"Я ненавижу человечество..."*, *"Я мудрый, я избранный, я посвященный..."* **Символистами жизнь рассматривалась как путь поэта. "Я" стояло в центре, автор раскрывал страницы своего дневника. У Бальмонта это принимало крайние формы.** Эгоцентризм поэта, восторженное отношение к самому себе, уверенность в своей солнечности, неповторимости отличали его. Для Бальмонта это была игра: натура в высшей степени впечатлительная, артистическая, он играл в жизни и поэзии.

«СТИХИЙНЫЙ ГЕНИЙ»

**Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество -
Моя пустынная душа.
С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них.
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.
О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг - до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.**

Рано усвоив позу «стихийного гения», он подчеркивает **безразличие к условностям морали и быта**: *“Не для меня законы, раз я гений”*. Лирический герой Бальмонта - вечно юный, вольный, ветроподобный, владыка собственного мира. Бальмонт творил собственную биографию, стремясь **создать поэму из своей жизни**. Это стремление принимало порой экстравагантные формы: вот он повис на дереве, читая стихи; вот он в Париже лег на мостовую, и через него переехал фиакр; вот он вошел в воду с тростью ради того, чтобы полюбоваться отблесками на воде, и, может статься, напишет об этом стихи. Экстравагантное, чудаческое, скандальное - то, что впоследствии назовут **“бальмонтовщиной”**. Но **“бальмонтовщина”** заслонила образ самого поэта.

Лирическое «Я» поэта

«Камыши»

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат
камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?
Мелькают, мигают - и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.
Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи
свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.
И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.
"Кого? Для чего? - камыши говорят, -
Зачем огоньки между нами горят?"
Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.
И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

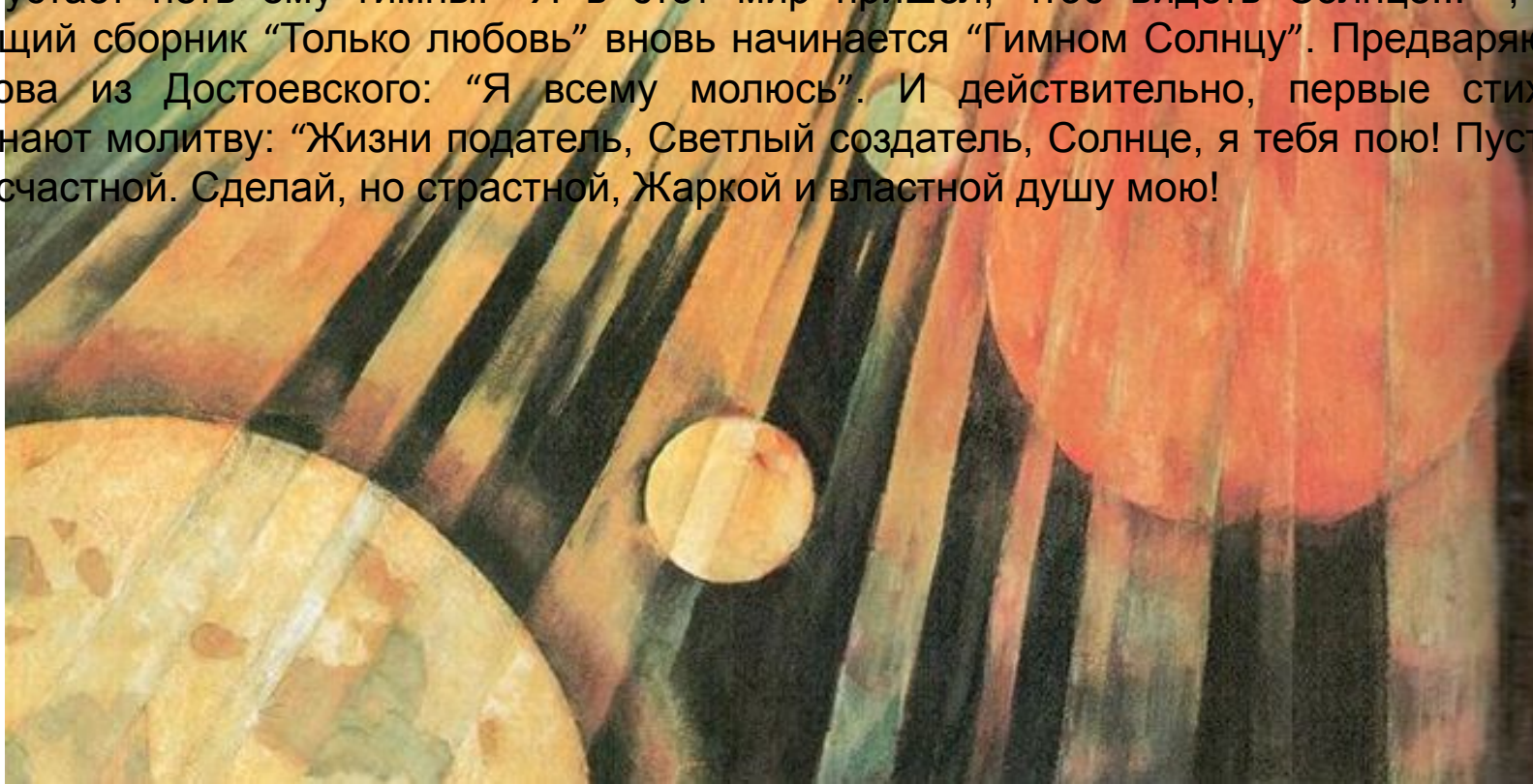
А он любил одиночество, занятия, требующие усидчивости. Изучал языки, поглощал целые библиотеки. Именно ему читатель обязан знакомством с литературной планетой: он переводил Кальдерона, Марло, Гофмана, Уайльда, Э. По, а русский Шелли был и остается трехтомный, "бальмонтковский". И может быть, его многочисленные "я" - это не эгоизм, не кокетство, а удивление перед богатством мира, радость открытия в себе самом и других неисчерпаемых душевных граней! Таков был он сам, такова была его поэзия. **Он называл свои стихи песнопениями. Они различны по жанру: сонеты, элегии, гимны, послания. В них поэт стремился запечатлеть все: ветер в камышах, жизнь и смерть, прошлое и настоящее, тончайшие ощущения и переживания.**

Образ солнца в поэзии Бальмонта

С легкой руки В.Брюсова всю лирику Бальмонта начали определять как поэзию “запечатленных мгновений”. Мимолетность возведена Бальмонтом в философский принцип. Миг-символ, знак, намек на то, что есть вечность. Художник должен выхватить у вечности этот миг и запечатлеть его в слове. **Любимый поэтом образ ветра (стихия Воздуха) созвучен настроению лирического героя, символ вечного движения, ненасытной тревоги. Образ моря (стихия Воды) - символ никем не скованной цельности, свободы. Наконец, главный образ в творчестве поэта - образ Солнца.** Он не устает петь ему гимны: “Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...”, а следующий сборник “Только любовь” вновь начинается “Гимном Солнцу”. Предваряют его слова из Достоевского: “Я всему молюсь”. И действительно, первые стихи напоминают молитву: “Жизни податель, Светлый создатель, Солнце, я тебя пою! Пусть хоть несчастной. Сделай, но страстной, Жаркой и властной душу мою!

«Будем как солнце...»

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному -
К новому, к сильному, к доброму, к злему -
Ярко стремимся мы в сие золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотеньи земном!
Будем, как солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастливы ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно - молодое.
В этом завет красоты!

Солнце - источник жизни. Огненное начало, по Бальмонту, - сама сущность жизни. С солнцем связывает Бальмонт осуществление своей мечты, именно оно соединяет человека со Вселенной, где царят вечные Добро и Красота. "Когда над русской поэзией восходило солнце поэзии Бальмонта, в ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила, " - писал В. Брюсов.

Бальмонт-переводчик

Странники мира (Из Шелли)

Скажи мне, светлая звезда,
Куда твой путь? Скажи, когда
Смежишь ты в черной бездне
ночи

Свои сверкающие очи?
Скажи мне, бледная луна,
Зачем скитаться ты должна
В пустыне неба бесприютной,
Стремясь найти покой
минутный?

О ветер, вечный пилигрим!
Скажи мне, для чего, как дым,
Ты вдаль плывешь? Куда
стремишься?
Какой тоской всегда томишься?

Бальмонт был кудесником стиха, обладавшим уникальным чувством слова и абсолютным музыкальным слухом. Но, помимо этого, он был человеком огромных, живых универсальных знаний, бесконечно любопытным и жадно поглощавшим все, что рождала мировая культура. “Он первым, по собственной инициативе, познакомил русского читателя со множеством прославленных произведений мировой поэзии”, - писал о Бальмонте литературовед В. Орлов. Сам Бальмонт считал, что “поэта, знающего много языков и певучий язык Поэзии, влечет к себе искусство перевода. Это – соучастие душ, и поединок, и бег вдвоем к одной цели. Но поэтический перевод есть лишь отзвук, отклик, эхо, отражение”. Дочь поэта, Н. К. Бруни писала: “Бальмонт знал много языков, помимо европейских, и, пленившись каким-нибудь произведением, старался проникнуть в тайну его красоты”.

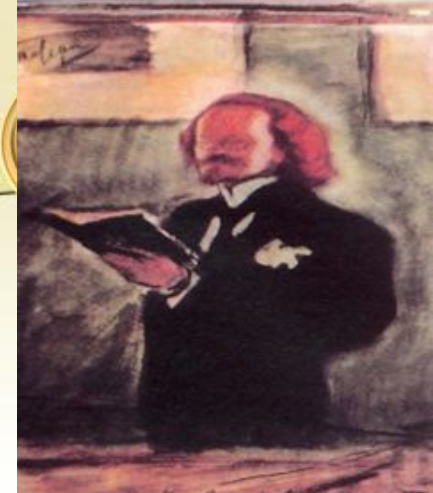
Бальмонт - символист

Бальмонту суждено было стать одним из зачинателей символического искусства в России. Из его статьи **“Элементарные слова о символической поэзии”**: *“ Это поэзия, в которой органически сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота ... однако, несмотря на скрытый смысл символического произведения, конкретное его содержания всегда закончено само по себе. Символическая поэзия говорит своим особым языком, заставляет читателя пройти путь от прекрасных образов к духовной идеальности”*.

Вершина его поэтической славы пришлась на самое начало XX века, когда вышли книги его стихов *“Будем как Солнце”* (1903), *“Только любовь”* (1903), *“Литургия красоты”* (1905). *“То было время, - писал Брюсов, - когда над русской поэзией восходило солнце поэзии Бальмонта. Думами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонкопевучий стих”*.

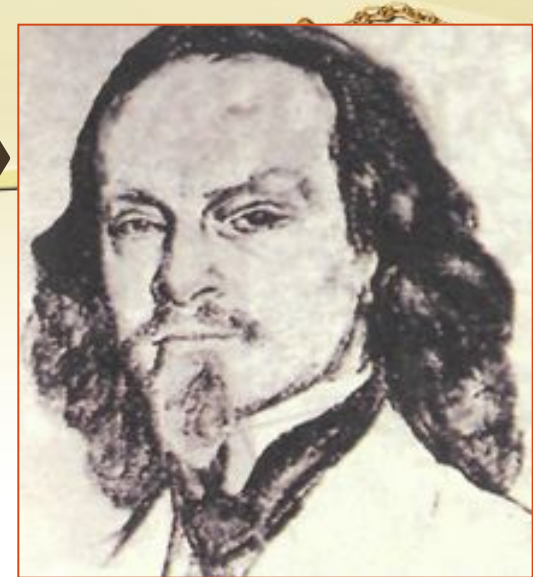
Бальмонт и импрессионизм

Импрессионизм - от французского “впечатление” - направление в искусстве. Цель импрессионистов - передача своего восприятия реального мира. Художники - импрессионисты работают быстрыми маленькими мазками, накладывая чистые, не смешанные краски рядом, без плавных переходов, так что многие предметы лишь намечаются, а очертания света и теней переходят одно в другое. Бальмонт тоже богат светом. Если у Блока и Есенина цветовые элементы символичны, то Бальмонт их использует как импрессионист: “Быть может, вся природа - мозаика цветов”. Мечта, тени, ловля теней, уходящие тени - характерные образы для Бальмонта: “Наши чувства - только тени”. Мечта, мечтания - это состояние человеческой души, которое открывает возможность постичь непостижимое, проникнуть в глубинные скрытые сущности, а значит, соединить свое “я” со Вселенной. “В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией - писал Брюсов. Поэзия Бальмонта - это поэзия лирика - романтика. Сам он называл свои стихи “солнечной пряжей”. В лучших стихотворениях поэта отражены тончайшие оттенки чувства любви; они поражают также чистым и живым восприятием природы.

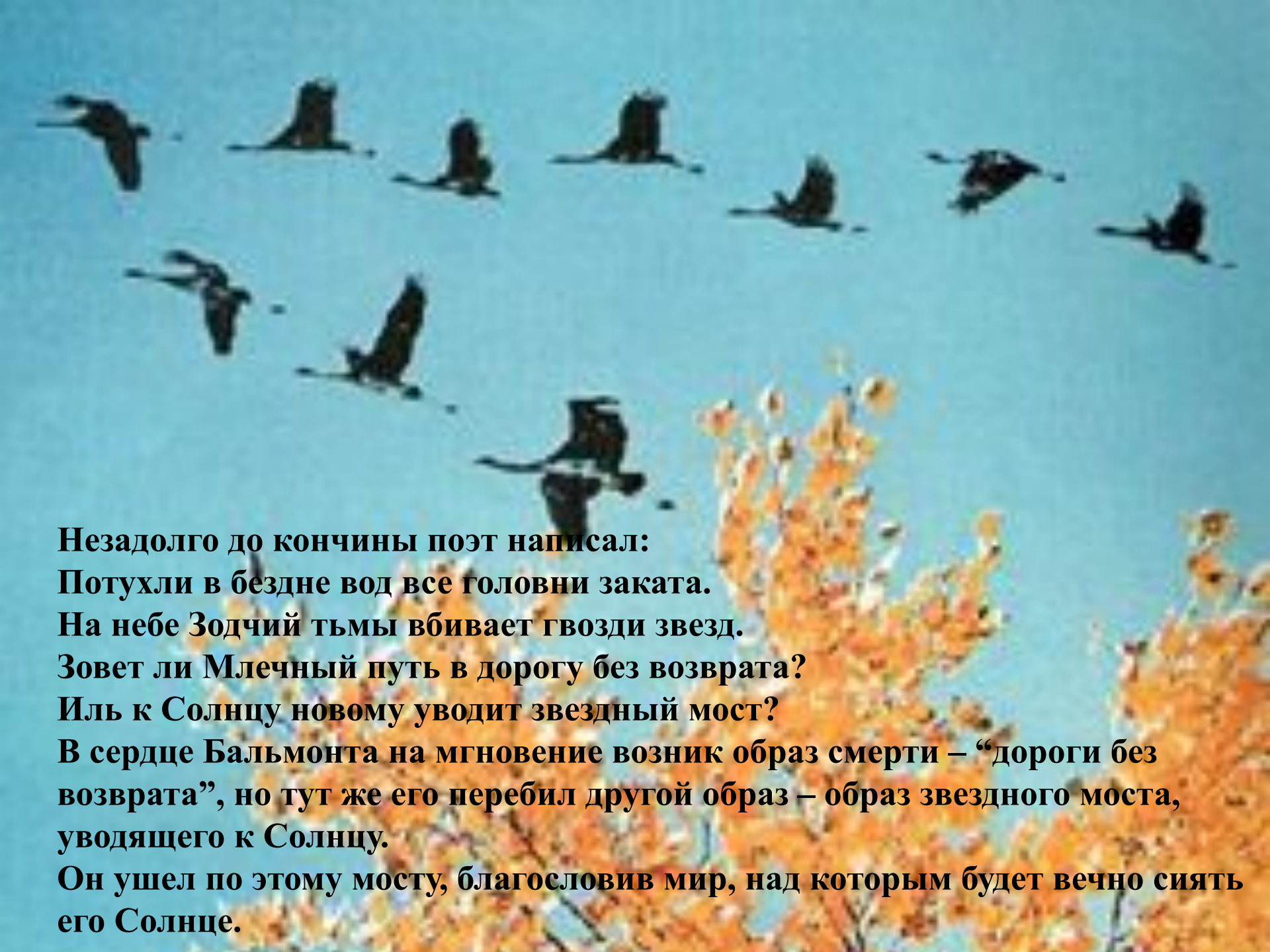
«Где мой дом?»

Бальмонт словно предвидел свою судьбу: еще в начале творческого пути в стихотворении “Данте” он с болью писал:

И ты поймешь, как горек хлеб чужой,
Как тяжелы чужих домов ступени,
Поднимешься – в борьбе с самим собой,
И вниз пойдешь – своей стыдяся тени.
О, ужас, о, мучительный позор:
Выпрашивает милостыню – гений!

Трагический образ родной покинутой страны в книгах эмигрантского периода часто связан с мотивами пути, возвращения, памяти. Противопоставление “родное – чужое” выступает ключевым и придает особый драматизм поэтическим строкам: “Но нельзя отречься от родного, Светишь мне, Россия, только ты”.

**Незадолго до кончины поэт написал:
Потухли в бездне вод все головни заката.
На небе Зодчий тьмы вбивает гвозди звезд.
Зовет ли Млечный путь в дорогу без возврата?
Иль к Солнцу новому уводит звездный мост?
В сердце Бальмонта на мгновение возник образ смерти – “дороги без
возврата”, но тут же его перебил другой образ – образ звездного моста,
уводящего к Солнцу.
Он ушел по этому мосту, благословив мир, над которым будет вечно сиять
его Солнце.**